

Кошко Иван Францевич

**Воспоминания губернатора
1905-1914 г**

Новгород - Самара - Пенза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Францевич К.**
Воспоминания губернатора 1905-1914 г: Новгород - Самара - Пенза / Кошко
Иван Францевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 259 с.

ISBN 978-5-519-90839-9

ISBN 978-5-519-90839-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Осенью 1905 г. Министерство Внутренних Дѣлъ командировало меня въ Пензенскую губернію для постановки тамъ серьезной продовольственной компаніи по случаю почти полного неурожая озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ. Дѣло это мнѣ было хорошо знакомо, такъ какъ я тогда состоялъ непремѣннымъ членомъ Новгородскаго Губернскаго Присутствія, а начало девяностыхъ годовъ было крайне неблагоприятно для нашей губерніи въ смыслѣ урожая, такъ что Правительство принуждено было ассигновать болѣе 6 милліоновъ рублей на сѣменную и продовольственную помощь и выполнение работы оказанія помощи лежало на мнѣ.

Командировка въ Пензу была очень трудна. Дѣло было неправильно поставлено съ самаго начала. Губернское Присутствіе не пожелало взять въ свои руки заготовку хлѣба, а передало ее Уѣзднымъ Съѣздамъ. Такимъ образомъ, на рынокъ вмѣсто одного покупателя отъ губерніи являлось цѣлыхъ 11, дѣйствовавшихъ не только безъ всякаго между собой соглашенія, а напротивъ того перекликавшихся другъ у друга партіи зерна. Каждому хотѣлось, какъ можно скорѣе обезпечить свой уѣздъ и закончить хлопотливое дѣло развозки купленного хлѣба на мѣста, гдѣ уже ощущалась острая нужда. Никакого плана выполненія этой весьма сложной работы не было сдѣлано: не распредѣлено населеніе по станціямъ желѣзной дороги для получки зерна, не приготовлено помѣщеніе для храненія закупленныхъ запасовъ, не организована выставка подводъ и т. п. Отдѣльныя партіи, купленные въ силу соревнованія по очень повышенной цѣнѣ, прибывали на станціи и только тогда принимались думать, что-же съ ними дѣлать, какъ ихъ приблизить къ населенію. Отсюда простой вагоновъ, несообразная плата за помѣщенія для храненія и вывозку, полная неосвѣдомленность Губернскаго Присутствія о томъ, что дѣлается на мѣстахъ. Такимъ образомъ, прежде всего надо было выработать планъ компаніи во исхѣхъ подробностяхъ и взять всю заготовку въ одни руки самого Присутствія. Я выработалъ такой подробный планъ, посвятивъ въ него мѣстнаго непремѣннаго члена князя Кутушева и отъ нашего общаго имени внесъ его на разсмотрѣніе Губ. Прис. Признаться, я очень беспокоился, приметъ-ли его Присутствіе. Въѣвъ этотъ мой докладъ представлялъ собою въ сущности осужденіе всего того, что Присутствіемъ уже было сдѣлано, и указывался совершенно иной путь. И предлагалось это не какимъ-либо авторитетомъ, съ которымъ спорить не приходится, а непремѣннымъ членомъ чужой губерніи, не обладающимъ рѣшающей властью. Сверхъ всякаго чаянія, планъ былъ принятъ полностью и не только не было сдѣлано возраженій,

а по окончаніи засѣданія членъ Губернской Земской Управы В. В. Вырубовъ, очень интересовавшійся дѣломъ помощи населенію, любезно заявилъ мнѣ: «мы никогда еще здѣсь не слышали такого обстоятельнаго доклада и не привыкли дѣйствовать по заранѣ продуманному плану».

Слѣдующей задачей явилось возможное исправленіе рынка. Безсистемная закупка страшно взвинтила цѣны и поставщики, конечно, стремились всячески удержать этотъ несуразный ихъ уровень. Еще въ Петроградѣ мнѣ говорилъ А. А. Павловъ, помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ по продовольственной части, что Пенза покупаетъ хлѣбъ неслыханно дорого и что это грозитъ общимъ поднятіемъ цѣнъ на рынкѣ. Если пока такая нумѣлая покупка широко не отразилась, то только благодаря тому, что Пензенское Присутствіе закупало рожь внутри губерніи и къ вышнимъ рынкамъ почти не обращалось. А потому я просилъ Павлова приостановить телеграммой дальнѣйшую закупку впредь до моего пріѣзда въ Пензу, что имъ и было сейчасъ-же сдѣлано.

Мнѣ были извѣстны многіе поставщики хлѣба въ Москвѣ, Рыбинскѣ, Центральной Россіи. Еще изъ Петрограда я имъ телеграфировалъ предложеніе поставить хлѣбъ и назначить цѣны на него. Пріѣхавъ въ Пензу, я засталъ цѣлую кучу телеграммъ съ предложеніемъ зерна изъ разнообразныхъ районовъ Россіи, при чемъ эти предложенія исходили не только отъ лицъ, къ которымъ я обратился самъ, но и отъ цѣлаго ряда совершенно мнѣ не извѣстныхъ торговцевъ. Видимо, вѣсть о моей командировкѣ стала извѣстна въ кругу хлѣботорговцевъ, которые всегда были отлично освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ въ продовольственномъ отдѣлѣ и каковы тамъ предположенія.

Всѣ эти телеграммы назначали очень повышенныя цѣны. Пока вырабатывался планъ кампаніи, я рѣшилъ ничего не покупать и отвѣчалъ на телеграммы предложеніемъ цѣны, существовавшей до искусственнаго ея взвинчивания. Я понималъ, что среди торговцевъ и комиссіонеровъ, преимущественно евреевъ, не могло быть твердой увѣренности, что имъ удастся сорвать несуразную цѣну: конкуренція для этого была вполне достаточной. А съ другой стороны, перспектива лишиться поставки по выгодной цѣнѣ да къ тому-же за наличныя деньги, должна была заставлятъ спекулянтовъ призадуматься и ограничивать ихъ непомѣрные аппетиты. Надо было считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что совершенно невозможно скрыть условія покупки хлѣба. Сегодня вы купили партію и завтра, какъ-бы тщательно ни скрывалась цѣна, она становилась общимъ достояніемъ. Евреи удивительные мастера проныкать въ такія тайны: они подкупаютъ писарей, биржевыхъ маклеровъ, служащихъ нотаріусовъ, а главное—телеграфистовъ. А вѣдь сдѣлка покупокъ производится почти исключительно по телеграфу. Понятно поэтому, какъ важно было выдержать характеръ и не уступать даже тогда, когда разниа спроса и предложенія выражалась нѣсколькими копѣйками. Я не скупился на телеграммы и всѣмъ и каждому говорилъ, какую я предлагаю цѣну. Результаты такой выдержки немедленно сказались: Губернское Присутствіе и Стѣзды довели цѣну до 1 р. съ лишнимъ за пудъ ржи,

а через недѣлю у меня уже были крупныя предложенія по 65—70 коп. Къ сожалѣнiю, въ этомъ году рожь повсюду содержала большой % влажности, а слѣдовательно была низкой природы. Въ смыслѣ продовольствiя это небольшая бѣда: немножко труднѣе молоть зерно и хлѣбъ выходитъ чернѣе. Но когда ставится задача заготовить хлѣбъ до новаго урожая и приходится по этому хранить запасы и въ теплые мѣсяцы, являлась опасность, что сырая рожь можетъ загорѣться. Поэтому особенно важно было подумать о тщательномъ храненiи и провѣтриванiи. Въ то-же время мнѣ стало извѣстнымъ, что въ Сибири получился отличный урожай пшеницы и цѣны на нее стояли настолько низкия, что при льготномъ тарифѣ было возможно доставить въ Пензу по цѣнѣ не дороже ржи. Я рѣшилъ этимъ воспользоваться, заручившись согласiемъ земскаго отдѣла. Я вполне былъ хозяиномъ всего дѣла. Мѣстный губернаторъ С. А. Хвостовъ, хотя и относившiйся ко мнѣ нѣсколько сухо и, пожалуй, отчасти недоброжелательно, ему трудно было, конечно, забыть, что меня прислали исправить надѣланныя тутъ ошибки, но нисколько мнѣ не мѣшало и ходомъ дѣла мало интересовался.

Онъ былъ поглощенъ болѣе трудными задачами: броженiе среди крестьянъ, поддерживаемое открытой агитацiей, становилось все болѣе и болѣе грознымъ.

Всѣ противуправительственные элементы съ каждымъ днемъ дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе и не скрывали своего намѣренiя произвести государственный переворотъ, поджигая въ деревняхъ—неудовольствiе противъ помѣщиковъ и стремясь довести крестьянъ до аграрныхъ насилiй. А почва въ Пензенской губернiи была очень въ этомъ отношенiи благопрiятна: надѣлы крестьянъ были крайне малы, сплошь и рядомъ мужики сидѣли на дарственныхъ надѣлахъ и могли существовать лишь, арендуя землю у помѣщиковъ и уплачивая очень высокую плату до 18 р. за десятину. Непремѣнный членъ Губернскаго Присутствiя В. И. Потуловъ, очень умный и дѣльный человекъ, говорилъ мнѣ, что его считаютъ въ губернiи чуть не мечтателемъ-филантропомъ за то, что онъ не желаетъ своимъ мужикамъ повышать аренду свыше 12 руб. за десятину, когда могъ-бы получить и всѣ 18.

Съ этимъ нарастающимъ броженiемъ приходилось бороться обычными ничтожными силами полицiи, ибо еще не была учреждена полицейская стража, а войскъ въ самой губернiи и въ смежныхъ съ нею не было вовсе. До присылки казаковъ, что случилось уже позднѣе, когда начались крестьянскiе погромы усадебъ, борьба эта представлялась чрезвычайно трудной, и потому тѣмъ болѣе поглощала собою все вниманiе губернатора и страшно его нервировала. Ему было уже не до того, чтобы заниматься хозяйственными заботами.

Въ дальнѣйшемъ мнѣ уже не пришлось болѣе встрѣчаться съ С. А. Хвостовымъ, а потому здѣсь я расскажу со словъ его жены Анны Ивановны Хвостовой и пензяковъ о фатальной судьбѣ этого человека. Полицiймейстеромъ въ Пензѣ въ это время состоялъ, какъ говорили, дальнiй родственникъ Сергѣя Алексѣевича. фамилию его я забылъ. Это былъ бравый молодой человекъ, высо-

каго роста, широкоплечій, кажется, довольно храбрый, но не отесанный и грубый субъектъ. Повидимому, онъ искренно думалъ, что хорошій полиціймейстеръ, не баба, долженъ быть именно рѣзкимъ и грубымъ; а потому особенности эти проявлялъ съ сугубымъ стараньемъ. Его всѣ терпѣть не могли, а губернаторъ, цѣня въ немъ преданность себѣ и храбрость, не вѣрилъ доходящимъ до него жалобамъ и приписывалъ ихъ такъ распространенному тогда фронтдерству противъ всякой проявляющей себя правительственной власти.

Такое отношеніе создало и самому С. А. Хвостову кучу враговъ, не только въ политиканствующемъ лагерѣ, но и среди людей спокойныхъ и уравновѣшенныхъ. На многочисленныхъ митингахъ про Хвостова и полиціймейстера рассказывали открыто самыя чудовищныя вещи, въ которыхъ, конечно, не было ни слова правды, но эти рассказы страшно взвинчивали молодежь и заставляли ее кипѣть пламенной ненавистью къ обоимъ.

Съ манифестомъ 17 октября митинги стали совершенно публичными. На одномъ изъ такихъ митинговъ, собранныхъ въ присутствіи чиновъ полиціи въ зимнемъ театрѣ, ораторы договорились прямо до открытой проповѣди ниспроверженія существующаго государственнаго строя. Когда губернатору объ этомъ доложили, онъ приказалъ закрыть собраніе. Исполняя это приказаніе, полиціймейстеръ, конечно, наткнулся на цѣлый рядъ враждебныхъ ему выходокъ до грубаго оскорбленія и прямого противоѣйствія толпою. Какъ упорно рассказывали потомъ въ Пензѣ, полиціймейстеръ пустилъ въ ходъ силу и этимъ своимъ распоряженіемъ принесъ общую ненависть къ себѣ и губернатуру довелъ до бѣлаго каленія. Посыпались телеграммы въ Петроградъ, городская дума выбрала особыхъ уполномоченныхъ, которыхъ послала жаловаться на губернатора председателю Совѣта Министровъ. Въ революціонныхъ же кружкахъ, въ которыхъ давали тонъ преимущественно неуравновѣшенные мальчишки, было рѣшено полиціймейстера и губернатора «предать смертной казни».

Общія условія такъ складывались, что повсюду въ Россіи участились террористическія покушенія, при чемъ сплошь и рядомъ авторы такихъ покушеній при подневольномъ укрывательствѣ смертельно запуганнаго мирнаго населенія ускользали изъ рукъ правосудія.

Разумѣется, такая безнаказанность страшно окрыляла всѣ преступные элементы, и вотъ убійство всякими способами становится совершенно ходовымъ средствомъ раздѣлаться съ людьми, которые имѣли несчастье такъ или иначе не угодить гг. революціонерамъ. При этомъ роли распределялись совершенно опредѣленно: «свѣтлыя личности», нерѣдко весьма почтеннаго возраста и общественнаго положенія, громили дѣятельность отдѣльных чиновъ Правительственной власти въ расплодившихся повсюду «свободомыслящихъ» газетныхъ, листкахъ, не останавливаясь часто передъ самой грубой клеветой и фантастическимъ измышленіемъ никогда не существовавшихъ фактовъ. Самое изложеніе велось такимъ пропаганднымъ страстной ненавистью тономъ, который захватывалъ и выводилъ изъ себя даже совершенно уравновѣшенныхъ

людей. Это называлось тогда «идейной борьбой», а на самомъ дѣлѣ было чистѣйшей, вполне сознательный, какъ стали выражаться позднѣе, провокаціей убійства. Зеленая молодежь, которая была прямо зачарована своей узурпированной ролью «спасателей отечества», какъ губка, впитывала разлитый въ этихъ листкахъ ядъ, экзальтировалась до полной потери представленія, что хорошо и что гнусно, и слѣпо шла на подвигъ «устраненія» вредныхъ для народныхъ интересовъ людей.

Въ короткое время въ Пензѣ былъ убитъ генералъ Лисовскій, совершено покушеніе на ректора семинаріи, тяжело раненъ на подъѣздѣ своей квартиры директоръ учительской семинаріи Остроумовъ. Газетка «Черноземный Край», которую позднѣе стали называть за ея гнусность «Навознымъ Краемъ» вела особенно сильную агитацію противъ губернатора Хвостова и полиціймейстера. Прямимъ послѣдствіемъ этого было то, что экзальтированный юноша нѣкій Васильевъ однажды въ самомъ центрѣ города у губернаторскаго дома выстрѣломъ изъ револьвера въ спину полиціймейстера, уложить его на мѣстѣ и въ губернаторскій домъ былъ принесенъ уже мертвый человѣкъ. Самъ Васильевъ на глазахъ дежурящей у губернаторскаго дома полиціи бѣжалъ и былъ спрятанъ въ первой встрѣченной квартирѣ одного частнаго лица, совершенно ему незнакомаго, куда онъ чуть не силой ворвался. Впослѣдствіи при поддержкѣ «свѣтлыхъ личностей» Васильевъ бѣжалъ въ Швейцарію и прокивалъ тамъ до 1907 года, пока не былъ выслѣженъ и выданъ русскому Правительству въ силу конвенціи о выдачѣ уголовныхъ преступниковъ. Всѣмъ памятны громы, которые расточались революціонной и прогрессивной печатью на голову Швейцарскихъ властей по поводу предполагаемой выдачи. Эта газетная кампанія возымѣла извѣстное дѣйствіе на Союзный Совѣтъ, который обусловилъ выдачу Васильева требованіемъ преданія его обычному, а не чрезвычайному суду. Такъ была спасена голова неврастеника-убійцы.

С. А. Хвостову приходилось опасаться такой-же участи какъ и полиціймейстеру.

Жандармскія власти, освѣдомляемыя за деньги тѣми-же «спасателями отечества», прямо требовали, чтобы онъ не выходилъ изъ губернаторскаго дома, не ручаясь внѣ его за безопасность. Вся прекрасная губернаторская усадьба обратилась въ какой-то военный лагерь, гдѣ всюду были разставлены часовые, не спускавшие глазъ съ Хвостова при выходѣ его погулять въ садъ. Бѣдная жена его, вся отдавшаяся своей многочисленной семьѣ и беззавѣтно привязанная къ мужу, потеряла сонъ и всякое самообладаніе. Когда губернатору нужно было выйти изъ дому, съ ней, говорятъ, дѣлались продолжительные обмороки и истерики и она чуть-ли не на колѣняхъ умоляла мужа пожалѣть дѣтей и отказаться отъ своего намѣренія. Все это, конечно, производило свое дѣйствіе и чуть-ли не полгода С. А. Хвостовъ просидѣлъ узникомъ въ губернаторскомъ домѣ. Понимая ненормальность такого положенія, онъ сталъ хлопотать черезъ своихъ вліятельныхъ братьевъ о переводѣ въ Петроградъ въ Совѣтъ Министра. Когда, состоялся этотъ переводъ и С. А. Хвостовъ при строгихъ предосторожностяхъ сѣлъ въ поѣздъ и оставилъ Пензу, онъ и вся его семья облегченно вздохнули: на-

конецъ-то кончилась такъ долго удручавшая ихъ смертельная опасность, не дававшая ни минуты покоя. Приѣхавъ въ Петроградъ, Сергѣй Алексѣевичъ взялъ заграничный отпускъ полѣчиться. На нявъ квартиру и собираясь вечеромъ уѣхать съ поѣздомъ въ разрѣшенный отпускъ, онъ порѣшилъ откланяться министру П. А. Столыпину и надѣвъ мундиръ, поѣхалъ на министерскую дачу на Аптекарскомъ островѣ. Въ этотъ день произошло извѣстное покушеніе на Столыпина и С. А. Хвостова сталъ одной изъ многочисленныхъ жертвъ его, былъ перевезенъ въ ближайшую больницу, гдѣ черезъ два часа умеръ.

Видно такъ ему было на роду написано! Проживъ долго въ обстановкѣ, гдѣ отовсюду грозила ежеминутная опасность, онъ остался живъ и здоровъ. И только вырвавшись изъ этого ада и въ условіяхъ полнѣйшей безопасности, неожиданно-негаданно гибнетъ жертвой покушенія, которое въ него совсѣмъ и не мѣтило.

Да, мудро не стать фаталистомъ передъ этой грустной исторіей.

Между тѣмъ, покупка зерна вполне наладилась, были обезпечены не только нужда текущая, но и сдѣланы запасы, покрывающіе значительную часть всей потребности, исчисленной вплоть до новаго урожая. Недостающее я полагалъ пополнить покупкой пшеницы въ Сибири.

Одновременно сдѣланы были распоряженія о выясненіи количества недостающихъ яровыхъ сѣмянъ. Я считъ необходимымъ лично объѣхать уѣзды наиболѣе трудные въ смыслѣ доставки хлѣба и убѣдился на мѣстѣ, что дѣло наладилось. При моемъ возвращеніи въ Пензу, на одной изъ станцій былъ только что полученъ манифестъ 17 октября.

За время моего пребыванія въ губерніи революція постепенно все разрасталась. Была объявлена желѣзнодорожная забастовка, которая къ общему величайшему изумленію явилась не частичной, а охватила рѣшительно всѣ дороги. Прибывшіе въ Пензу на очередное собраніе дворяне оказались отрѣзанными отъ своихъ усадебъ и принуждены были возвращаться домой на лошадахъ. Конечно, такимъ моментомъ воспользовались и цѣна на лошадей стала прямо сумасшедшей. Я слишкомъ былъ поглощенъ своей работой, а потому весьма мало былъ освѣдомленъ о томъ, что происходило. Кромѣ газетъ я зналъ кое-что изъ разговоровъ, но все это въ памяти моей не оставило опредѣленной картины, а лишь одно жуткое впечатлѣніе передъ организованностью смуты, сумѣвшей принудить сотни тысячъ людей отказаться отъ текущей работы, кормившей ихъ семьи, и жить въ полной неизвѣстности будущаго, ожидая, къ тому-же исполнѣ неизбѣжныхъ репрессалій Прavitельства за эту забастовку съ вѣроятной потерей заработка. Поскольку я могъ судить, подавляющее большинство забастовщиковъ, въ душѣ не вѣрило въ торжество революціи. Но главаріи движенія, а ихъ было до смѣшного мало, сумѣли такъ терроризовать подавляющее мирное большинство, что оно безропотно подчинилось ихъ велѣніямъ и бездѣятельно въ глубокой тревогѣ ожидало дальнѣйшаго хода событій. Почему-же удалась эта грандіозная забастовка? Въ чемъ была сила, этой таинственной кучки главарей, состоявшей

въ значительной своей части изъ всякихъ недоучившихся юнцовъ? Понять это, опираясь на законы логики, совершенно невозможно. Происходило что-то стихійное, предназначенное Россіи рокомъ.

Точно сумасшествіе овладѣло волею людей и толкало ихъ преисбречь своими кровными интересами во имя какой-то непонятной болышинству химеры.

Видно всякій новый государственный строй, чтобы прочно укорениться въ странѣ, непременно долженъ, предварительно пройти черезъ море человѣческихъ страданій.

Манифестъ 17 октября на меня лично произвелъ впечатлѣніе прежде всего своею недосказанностью. Имъ даровалось очень много благъ, но въ такихъ формахъ эти блага прольются въ дѣйствительную жизнь? Какъ они будутъ согласованы съ дѣйствующимъ законодательствомъ—указаній не было. Одно было ясно, что устанавливается представительный строй и ему сопутствуютъ свобода совѣсти, свобода слова и собраній. Но когда вступаетъ въ дѣйствіе дарованіе этихъ благъ? Со времени фактическаго осуществленія представительнаго строя или сейчасъ, немедленно? Въ этомъ была для меня существенная неясность.

Огромное болышинство рѣшило, что свободы наступили съ минуты обнародованія манифеста. Въ Пензѣ это выразилось въ шумныхъ уличныхъ манифестаціяхъ, публичныхъ митингахъ, пренебрежительномъ игнорированіи правительственной власти, а вскорѣ затѣмъ и грозныхъ аграрныхъ безпорядкахъ. Своими глазами этихъ явленій я не видѣлъ, такъ какъ съ возобновленіемъ желѣзнодорожнаго движенія—сбѣлъ въ первый сибирскій экспрессъ и выѣхалъ въ Омскъ, а потому о нихъ я упоминаю лишь вскользь.

Городъ Пенза мнѣ очень понравился. Расположенъ онъ на горѣ, круто спускающейся въ долину рѣки Суры, утопаетъ въ зелени. Со стороны казанской дороги видъ на городъ очарователенъ. Хорошихъ зданій, мостовыхъ и памятниковъ почти не имѣется, но это не лишаетъ городъ своеобразной улыбающейся уютности. Губернаторскій домъ стоитъ на Соборной площади и представляетъ собою обширную усадьбу, богато снабженную всякими хозяйственными постройками. Домъ трехэтажный: внизу помѣщается канцелярія губернатора, въ бельэтажѣ пріемныя комнаты, въ третьемъ этажѣ жилое помѣщеніе. Вездѣ много солнца и воздуха. Мнѣ такъ понравился этотъ домъ, что я помню, сказалъ какъ-то кому-то изъ своихъ знакомыхъ:

— Если мнѣ суждено когданибудь получить губернаторство, то я очень желалъ-бы понасть въ Пензу.

Черезъ годъ это мое желаніе сбылось.

До сихъ поръ я никогда не бывалъ въ Сибири и мысленно представлялъ себѣ этотъ край, какъ что-то совершенно отличное отъ Европейской Россіи съ преобладаніемъ во всемъ тономъ крайней суровости. Оказалось-же, что это такая-же Россія, съ безконечными по обѣ стороны желѣзной дороги засѣянными полями, изрѣдка перерѣзаемыми небольшими березовыми и осиновыми рощами, ну совсѣмъ та же Новгородская губернія. Особенность заключается лишь въ одномъ, что жилье попадается очень рѣдко, а деревень я не видѣлъ. Дремучихъ лѣсовъ въ этой преимущественно

стенной полосѣ и помину нѣтъ. Подъѣзжая къ Омску и переѣзжая Иртышъ, получается впечатлѣніе чего-то громаднаго, пустыннаго, суроваго.

Прямо со станціи попадаешь въ какую-то безлюдную пустыню и совсѣмъ не подозреваешь, что вотъ тутъ поблизости начинается большій, довольно населенный городъ. Его какъ-то въ началѣ совсѣмъ не видно и не имѣется пригородовъ, обыкновенно сопровождающихъ въ Россіи крупныя поселенія. Самый городъ представляетъ двѣ или три порядочныхъ улицы съ хорошими зданіями, магазинами и мостовыми. Остальное имѣетъ видъ обширной деревни. Лучшая гостиница стоитъ на немощенной площади у базара. Номера очень чистые и приличные.

Пріѣхавъ въ Омскъ, я обратился къ управляющему мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка, къ которому у меня было рекомендательное письмо, и просилъ указать мнѣ наиболѣе солидныхъ торговцевъ пшеницею. Онъ обѣщалъ прислать подходящихъ людей въ гостиницу. Затѣмъ я отправился на мѣстную биржу и абонировался на биржевые бюлетени, чтобы быть въ курсѣ мѣстныхъ цѣнъ.

На другой день ко мнѣ дѣйствительно явился молодой человекъ молоканинъ и предложилъ норядочную партію пшеницы въ Омскѣ и Петропавловскѣ. Цѣна оказалось въ концѣ переговоровъ подходящей, т. е. въ Пензѣ она будетъ стоить не дороже ржи, и мы заключили съ нимъ маклерское условіе. Вызвавъ по телеграфу изъ Пензы своего человека для присутствія при погрузкѣ зерна, я могъ считать дѣло свое оконченнымъ.

При мнѣ ни въ Омскѣ, ни на желѣзной дорогѣ никакихъ безпорядковъ не происходило, такъ какъ здѣсь уже проѣхалъ генералъ Мелеръ-Закомельскій, своими рѣшительными дѣйствіями положившій конецъ всякимъ безобразіямъ. Но поѣзда были переполнены возвращающимися съ войны запасными нижними чинами и офицерскимъ составомъ, такъ что получить мѣсто было рѣшительно невозможно и станціонное начальство предлагало мнѣ выждать нѣсколько дней, когда немного волна схлынетъ и, можетъ быть, явится возможность продавать билеты. Только предъявивъ открытый листъ Министра, которымъ предписывалось властямъ оказывать мнѣ всяческое содѣйствіе, я получилъ мѣсто въ переполненномъ вагонѣ 3-го класса и такимъ образомъ доѣхалъ до Челябинска, гдѣ уже удалось получить мѣсто 1-го класса до Пензы. По возвращеніи въ Пензу я занялся опредѣленіемъ количества нужныхъ яровыхъ сѣмянъ: по окончаніи этой работы мы возбудили ходатайство объ ассигнованіи средствъ на эту заготовку. О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ я подробно доносилъ Земскому Отдѣлу и получилъ одобреніе своихъ предположеній.

Когда зашла рѣчь объ яровыхъ сѣменахъ, мнѣ изъ Земскаго Отдѣла прислали заявленіе пермскаго земскаго начальника Кормилицына, который указывалъ, что въ Камышловскомъ, Шадринскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ можно купить неограниченное количество овса по баснословно дешевой цѣнѣ. Предложеніе это рисовалось такимъ заманчивымъ, что я счелъ необходимымъ его про-

вѣрять на мѣстѣ и вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Сибиря выѣхалъ въ Екатеринбургъ.

Оказалось, что дѣйствительно тамъ овса было много, но онъ еще на рынокъ не вывозился и цѣны на него не установились. Не было смысла ждать подвоза, ибо на это могло уйти много времени въ зависимости отъ того, когда установится санный путь, а потому съ санкціи Земскаго Отдѣла я вошелъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ городскимъ головою г. Афиногеновымъ, который взялся быть нашимъ комиссіонеромъ и за скромное вознагражденіе закупить намъ солидную партію по тѣмъ цѣнамъ, которыя установятся на рынокѣ. Для контроля правильности этихъ цѣнъ могли служить биржевые бюлѣтени, но сверхъ того я—вошелъ въ сношеніе съ предсѣдателями въездныхъ стѣздовъ и просилъ ихъ еженедѣльно высылать въ Пензенское Губернское Присутствіе свѣдѣнія о мѣстныхъ базарныхъ цѣнахъ. Они любезно на это согласились.

Министерство признало, что дѣло въ Пензѣ наладилось и могло быть ведено далѣе мѣстными чинами, а потому отозвало меня обратно. Не могу не отмѣтить второго страннаго совпаденія. Съ городомъ Екатеринбургомъ мнѣ пришлось вторично встрѣтиться, когда я былъ назначенъ пермскимъ губернаторомъ. Такимъ образомъ, судьба познакомила меня и съ Пензой и съ Пермской губерніей прежде, чѣмъ я появился въ нихъ начальникомъ губерніи.

Долженъ признаться, что моей командировкѣ въ Пензу на такое отвѣтственное дѣло я былъ ужасно радъ. Конечно, иногда тревожило опасеніе, удастся-ли мнѣ справиться съ поставленной задачей и чѣмъ было ближе къ дѣлу, тѣмъ болѣе росли и мучили эти сомнѣнія. Но съ другой стороны, это было случаемъ отличиться на глазахъ Министерства и добиться, наконецъ, назначенія на должность вице-губернатора, мечта о которой не оставалась меня современіи ухода изъ военной службы, т. е. въ теченіи 15 лѣтъ. Служба моя сначала земскимъ начальникомъ, а потомъ непремѣннымъ членомъ Губернскаго Присутствія протекала очень удачно и я завоевалъ себѣ репутацію хорошаго работника, добросовѣстно относящагося къ дѣлу. Думаю, что все губернаторы, а ихъ было за мою службу трое: Мосоловъ, Штурмеръ и графъ Медемъ, могли давать обо мнѣ только наилучшіе отзывы. Бывшій нашъ губернский Предводитель Дворянства князь В. А. Васильчиковъ мнѣ однажды сказалъ, что я имѣю все права на такое назначеніе, такъ какъ моя дѣятельность получила извѣстность за предѣлами губерніи. И тѣмъ не менѣе, несмотря даже на то, что по моей дѣятельности непремѣннаго члена мнѣ пришлось однажды выполнить отвѣтственную срочную работу подъ непосредственнымъ руководствомъ товарища Министра А. С. Стишинскаго, лично, съ нимъ сноситься и исполнить свою задачу успѣшно, я оставался все тѣмъ-же непремѣннымъ членомъ, не двигаясь къ завѣтной цѣли, тогда какъ нѣкоторые мои товарищи какъ, напримѣръ, А. В. Муравьевъ и Н. Н. Качаловъ получили давнымъ давно высшее назначеніе. У нихъ была протекція, у меня-же ея не было. Конечно, протекція вполнѣ естественное, неизбежное явленіе, которое существуетъ и будетъ существовать при всякомъ государственномъ строѣ, а при представительномъ, вѣроятно, тѣмъ болѣе. Вѣдь выс-

шая власть, выбирая себѣ сотрудниковъ, рѣдко можетъ лично знать претендентовъ, и силою вещей принуждена считаться съ рекомендаціями людей, которымъ она или довѣряетъ, или съ которыми принуждена считаться. Какъ ни естественно значеніе связей, но оно не можетъ уменьшить все-таки въ васъ чувства горькой обиды, когда васъ обходятъ. Я исполнилъ въ Пензѣ порученіе само-го министерства. Всѣ отчеты и донесенія о ходѣ дѣла я представлялъ такому выдающемуся работнику, какъ управлявшій тогда Земскимъ Отдѣломъ В. І. Гурко, который могъ изъ этихъ отчетовъ уже составить себѣ представленіе, поскольку я пригоденъ для работы и заслуживаю дальнѣйшаго движенія по службѣ. Вернувшись поэтому изъ Пензы въ Петербургъ, я былъ очень счастливъ услышать, что какъ В. І. Гурко, такъ и товарищъ Министра Э. А. Ватацци, по докладу первого, остались очень довольны моею работою и составили себѣ обо мнѣ отличное мнѣніе. Казалось, поэтому было совершенно своевременно хлопотать о в.-губернаторствѣ А. А. Павловъ, съ которымъ у меня установились пріятельскія отношенія, сказать мнѣ, что и Гурко и Ватацци знаютъ о моемъ желаніи получить вице-губернаторство и намекнули, что по его предположенію они оба поддерживаютъ мое ходатайство, если я его возбужу. Надо было для этого явиться Директору департамента Общихъ Дѣлъ А. Д. Арбузову и просить его о содѣйствіи. Арбузова не такъ давно занимавшаго постъ Директора департамента, я никогда до этого не видѣлъ и никто изъ моихъ знакомыхъ за меня его не просилъ, такъ что мнѣ предстояло ходатайствовать о повышеніи передъ чело-вѣкомъ, котораго я совсѣмъ не зналъ, и который, какъ мнѣ казалось, можетъ быть, не подозрѣвалъ даже о моемъ существованіи, ибо крестьянское дѣло, у котораго я служилъ, было всецѣло въ вѣденіи Земскаго Отдѣла и никакой стороны не касалось непосредственно Общихъ Дѣлъ.

Признаться, мнѣ было ужасно стыдно выступать съ такимъ ходатайствомъ. Вѣдь предъявленіе такового, въ сущности, хотѣло сказать, что я такъ увѣренъ въ своихъ служебныхъ достоинствахъ, что считаю себя въ правѣ претендовать на столь видное повышение, т. е., что я самъ себѣ дѣлаю весьма лестную оцѣнку. Такая самоувѣренность совсѣмъ не въ моемъ характерѣ и я пошелъ на нее только потому, что, какъ мнѣ всѣ говорили, это былъ единственно возможный и всѣми практикуемый путь. Не могу сказать, чтобы я чувствовалъ себя хорошо въ пріемной г. Арбузова. Но корабли уже были сожжены и оставались только ждать очереди. Меня принялъ въ хорошо знакомомъ мнѣ кабинетѣ директора Департамента, обставленномъ прекрасной мебелью въ стилѣ Empire, господинъ невысокаго роста, въ пиджакѣ, съ привѣтливой улыбкой на лицѣ. Никакихъ слѣдовъ олимпійства; это очень меня подбодрило и я, не слишкомъ несвязно изложилъ свою просьбу.

— Васъ очень хвалили Гурко, сказали мнѣ А. Д. Арбузовъ, — и думается мнѣ, что ваше назначеніе вице-губернаторомъ возможно. Но оно зависитъ исключительно отъ Министра и вамъ слѣдуетъ представиться ему и просить. — При этомъ Алексѣй Дмитриевичъ такъ участливо на меня смотрѣлъ, что я сразу воспылялъ къ нему симпатіей и совсѣмъ понемногу оправился. Попросивъ его оказать